Как будто слова были изгоняющим дзютсу, гнев, казалось, покинул Хокаге, сдув его, и на троне, который когда-то занимал смертный бог, остался изможденный старик; глядя на него, Анко почувствовала мимолетное сочувствие к своему боссу, увидев, как морщины возраста и беспокойства избородили его некогда красивое лицо. Управлять деревней, особенно деревней, полной ниндзя, было нелегко, и, несмотря на свой прежний опыт в этой роли, Сарутоби был уже далеко не в лучшей форме - просто некому было взять на себя бразды правления в данный момент, молодое поколение еще не успело сделать шаг вперед; да и я, веду себя как болван, вероятно, не способствовал его оценке нас. В очередной раз проклиная собственную глупость, Анко внимательно слушала, как он массирует голову одной рукой,

"Как ты, наверное, знаешь, Наруто-кун смотрит на меня как на дедушку; одному Ками известно, почему. Я сделал достаточно мало, чтобы заслужить такую похвалу, а Совет пытается связать мне руки волокитой при каждом удобном случае, когда дело касается его. Я не вижу мальчика достаточно часто, чтобы иметь точное представление о его жизни; даже сейчас, когда он свободно бегает по тренировочным полям и учится быть ниндзя - идея, которую он придумал сам, - у меня нет времени наблюдать, как он растет, превращаясь в человека, который однажды станет Хокаге. Твоя задача, Анко, быть моими глазами; пока ты будешь его тренировать, наблюдай за его повседневными делами и докладывай мне".

Пытаясь осмыслить сказанное, призвательница змей почувствовала некоторое облегчение, когда услышала более подробное объяснение каге,

"Какова его жизнь? Как он ведет свои дела? Как люди относятся к нему в Конохе и на природе? Есть ли у него друзья, люди, которые хорошо к нему относятся? Могу ли я еще чем-то помочь ему...?" Сарутоби больше не мог продолжать, а Анко, в свою очередь, не могла больше ничего слышать; поклонившись еще раз, чуунин встала во весь рост и приняла свой долг,

"Хай Хокаге-сама, я понял и принимаю миссию". Старик, защитник своей деревни, грустно улыбнулся,

"Я благодарен за твое согласие, Анко-тян, но сомневаюсь, что ты действительно понимаешь, о чем я прошу тебя; сомневаюсь, что ты поймешь это до начала миссии. Наруто-кун уникален; за все годы своей жизни я не видел и никогда не увижу другого мальчика или другого ниндзя, подобного ему. Он знает, что по каким-то причинам на его пути лежат камни, но он сам видит пути обхода, как река обходит горы, как водоворот всегда находит свой собственный путь, - он откинулся в кресле, глубоко вздыхая, когда в его голове снова зашевелились старые сожаления, а призрак Хокаге, который превзошел его, лишь покачал головой на свои промахи из желудка шинигами, - но ему нужны руки, чтобы направить его на путь Анко-тян, а у меня самого руки связаны. Только благодаря тебе и другим, кто помогает ему сейчас, я верю, что Наруто либо спасет, либо проклянет деревню Листьев", - усталая улыбка заиграла на лице мужчины, когда он разгладил бороду свободной рукой, глядя на чуунина с легким смешком, - "Так что больше никаких вылазок на тренировочную площадку 44, да?"

Почувствовав, что словесное избиение на данный момент закончено, Анко улыбнулась в ответ, но при этом в ее голове возникла пара вопросов,

"Хай, Хокаге-сама, похоже, я снова перееду в деревню на это время; есть ли какие-нибудь ограничения на то, что я должна преподавать?" Сарутоби на мгновение задумался, прежде чем снова заговорить, его тон был размеренным и осторожным,

"Я бы предпочел, чтобы пока не было никаких дзюцу, хотя я знаю, что за последние четыре с лишним месяца он получил доступ к своей чакре; конечно, ничего запрещенного", - строго сказал он, и Анко, пригнув голову, кивнула в знак понимания: "Кроме этого, я оставлю все на твое усмотрение, но не дави на него, Анко - я уже изменил учебный план Академии именно по этой причине, чтобы дать возможность так называемым вундеркиндам иметь разумное детство, а не спешить на линию фронта".

"Хай, Хокаге-сама, я понимаю", - ответила чуунин, прежде чем задать второй вопрос: "Э-э, просто из интереса, где же все-таки живет этот маленький Гаки", - поспешно пояснила она, когда Хокаге подняла на нее прищуренную бровь: "Эй, наставник должен знать, где живет ее будущий ученик, верно?" Достав чистый лист пергамента, глава деревни начал что-то записывать, после чего снова поднял на нее глаза,

"Проблема учителя и ученика; а я-то думал, что тебе просто интересно снова увидиться со своим новым парнем, Анко-тян", - Сарутоби не удержался и сделал последний выпад, - "а я-то думал, что это будет какой-нибудь суровый джоунин, который поймает твое дикое сердце, Митараша; я никогда не считал тебя материнским типом".

"Хентай!" Выхватив бумагу, Анко, пунцовый от волнения, отпрыгнул от стола и в последний раз отвесил учтивый поклон: "По вашему разрешению, Хокаге-сама, я должен забрать свои дела из отдела миссий". Не вполне доверяя своему голосу, морщинистый мужчина лишь кивнул и отстранил ее рукой, а чуунин, крутанувшись на пятках, устремилась прочь, не оставив после себя ничего, кроме грохота двери его кабинета.

XXX

Утро этого дня застало ее сначала в больнице, затем в кабинете Хокаге, а после обеда Митараша Анко сидела за стойкой скромного бара в южной части Конохи с маленькой тарелкой данго, обдумывая произошедшие за день события. Ну что ж, - она отпила еще одну порцию фруктового сока, не желая рисковать, что алкогольный перегар прожжет дыру как в уменьшенной оплате за миссию, которую она получила в офисе шиноби, так и в ее недавно восстановленном здравом смысле, - учитывая, что я начала день под страхом смертного приговора, я бы сказала, что в целом все прошло довольно хорошо. Конечно, именно в этот момент стальной каблук Кармы вновь обрушился на нее, чтобы разрушить ее надежды на спокойное времяпрепровождение и зализать раны; когда пара сигнатур чакры появилась на границе ее диапазона, Анко только и смогла, что подавить желание застонать, хотя и зарылась лицом в свои руки, когда дверь бара открылась,

"Вон она, лежит лицом вниз на барной стойке".

"Ками, уже", - хотя она и понимала, что приглушенные голоса делают это только для того,

чтобы завести ее, но, как ни печально, это срабатывало; ее ногти уже всю выдалбливали бороздки в лакированной поверхности барной стойки, - "это, должно быть, новый рекорд; еще нет и трех, а она уже вывалила свое Великое Дерево".

"Нет, рекорд был поставлен, когда она в состоянии алкогольного опьянения пыталась сделать D-ранг; в какой-то мере это сработало; питомник Инудзуки никогда не был чище, хотя, возможно, это потому, что она раз за разом убирала все инструменты и чистящие средства в один и тот же".

"Ой, двоится в глазах или..." Голоса внезапно смолкли, когда Анко, и без того напряженная, наконец сорвалась с места и запустила в дразнилок пару сюрикенов, причем лицо Анко при этом даже не поднялось над стойкой,

"Оставьте меня в покое, чтобы я спокойно гноилась", - потребовала Анко, приглушив голос руками, хотя уже знала, что ей не повезет: она едва не свалилась с барного стула, как внезапная боль вонзилась в левую ягодицу. Повернувшись, она столкнулась с ухмыляющимся лицом Генмы, который уже засовывал в рот очередной сенбон из подсумка,

"Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен засунуть этот сенбон прямо тебе в...?"

<http://tl.rulate.ru/book/101264/3491520>